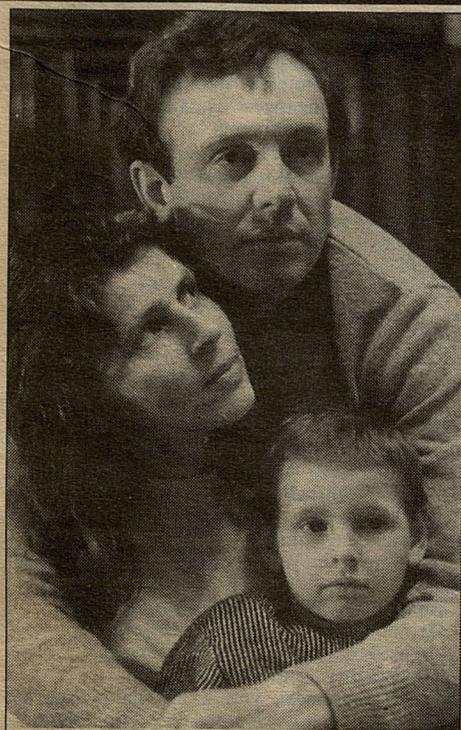

3. 2000.

Экран и сцена -
- 2000 - март (№10) -
С. 16.

С женой и сыном Филиппом

В эти мартовские дни исполняется 75 лет со дня рождения Иннокентия Михайловича Смоктуновского. Меньше 10 лет прошло с его кончины, а кажется порой – эпоха промелькнула: так много унес с собой, так многое изменив в наших взглядах, оценках, мнениях. Нам кажется, что мы стали раскованнее, свободнее, демократичнее. Мы спешим воздать тем, кого считаем новой звездой, утвердив за ними имена – "мастер", "гений", "кумир". Может быть, в какой-то мере это и справедливо, потому что тем, ушедшим, было слишком трудно прорваться – Смоктуновский принадлежал к поколению, которое восходило к звездным высям медленно (по нынешним нашим темпам и понятиям), трудно, нередко болезненно. Зрительское признание приходило мгновенно – как пришло оно к Иннокентию Михайловичу с фильмом "Солдаты", со спектаклем БДТ "Идиот", на который ездила поистине вся Москва. Но этого было мало.

Тогда требовалось признание официальное, официозное, скрепленное печатями, званиями, премиями. А оно

Проба к фильму С.Бондарчука «Война и мир». Князь Андрей Болконский

До чего же печально, до чего же точно звучат эти простые строчки. И как причудливо отражается в них судьба ушедших и участь нынешних, кого мы торопливо "чествуем и жалуем". Часто – стараясь не опоздать, памятуя о тех, кого уже нет. Часто – от той сменны критериев, которой поддались, словно страшной эпидемии.

Иннокентий Михайлович Смоктуновский сыграл много – и в кино, и в БДТ, и в Москве, в Художественном театре. Его любили по-настоящему, по нескольким фразам распознавая особенную, словно надтреснутую интонацию вкрадчивого голоса, запоминая неповторимые жесты, подобные тому, каким князь Мышкин отгораживался от Рогожина-Лебедева: "Парфен... нет!...", или жалобно воскликнул: "Ари-инушка!.." царь Федор, или Иудушка Головлев "выходил" из своей огромной шубы, или король-Солнце Людовик из спектакля "Кабала святош" протягивал руку Мольеру-Ефремову. Это осталось в нас навсегда. Это и сегодня порой вырывается из глубин памяти некстати, во время какого-то совсем другого спектакля властным напоминанием о том, что "нету их. И все разрешено". Напоминанием жестоким и, может быть, не всегда справедливым, потому что сказано было: "Не сравнивай – живущий несравним."

Но так уж мы устроены, что обречены на память, а значит – и на сравнения. И есть в этом особая горечь.

Бесполезное занятие гадать, что и как мог бы сыграть Иннокентий Смоктуновский, проживи он дольше, будь он жив сегодня. Еще более бесполезное – сравнивать мастеров его поколения с теми, кто работает на подмостках и на экране сейчас, увлекая нас или раздражая, становясь кумиром на час или, быть может, на наших глазах рождаясь для долгой и прочной славы.

Да, горький опыт научил стремиться к тому, чтобы успеть воздать должное при жизни. Но научил ли он не творить поспешно кумиров, коль скоро научил хотя бы вослед признать – Иннокентий Смоктуновский был одним из последних великих мастеров, гениев русской сцены.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

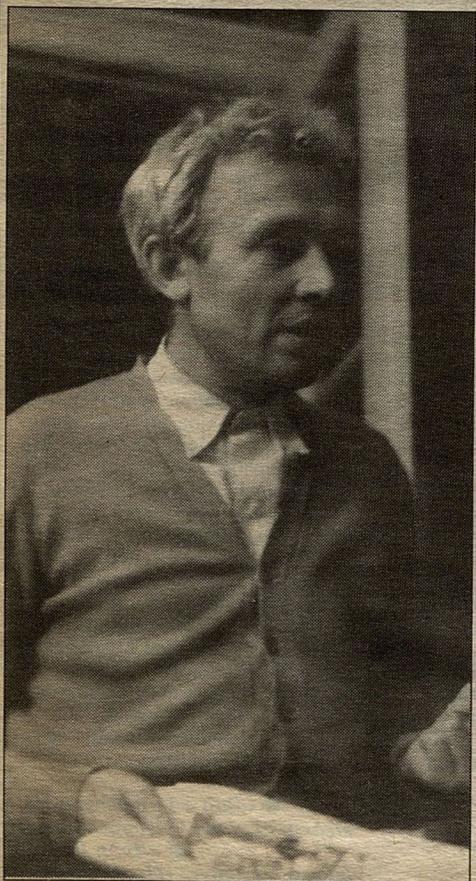
«В опустевшем помещении...»

приходило поздно, очень поздно, когда жизнь стремительно катилась на убыль. И если они, ушедшие наши кумиры, и слышали о себе, что они – наша гордость, наши мастера, гении – то едва ли не вослед. И сегодня, вспоминая об Иннокентии Смоктуновском, о тех великих артистах, что ушли, я мысленно твержу строки Давида Самойлова, принадлежавшего тому же поколению, равно относящиеся и к нему самому:

*Вот и все. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.*

*Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло, и темно.
Как нас чествуют и как нас жалуют!*

Нету их. И все разрешено.

С матерью (слева) и профессором С.М.Кузнецовой (справа)

Смоктуновский И.И.